

И так жить нельзя

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

очень быстро. Даже анпиловцы во многом правы.

У меня был разговор с Зюгановым. На меня он произвел очень хорошее впечатление. Коммунисты не анпиловского типа, а коммунисты типа Зюганова производят хорошее впечатление, если, конечно, судить по лидеру. Я разговаривал с Зюгановым, и во многом наши оценки того, что происходит в стране, совпадают. Но у меня абсолютное ощущение, что коммунисты в нашей стране сейчас победить не могут. Идеи коммунизма будут жить долго. И нет никаких гарантий, что какая-нибудь страна еще не вступит на этот путь и не будет строить коммунизм. Это — безусловно. Но сейчас у коммунистов нет шансов, особенно когда есть анпиловцы, ортодоксальные коммунисты. Сегодня коммунистические идеи, идея социальной справедливости, может быть, и опорочены вот этими ортодоксальными ленинцами,

которые стоят на митингах чаще всего с портретами Ленина и Сталина в руках. В обществе, которое много натерпелось от коммунистов, хотя они и сделали немало хорошего, видимо, может сработать инстинкт самосохранения. Поэтому у коммунистов настоящих, честных коммунистов шансов очень мало. А они есть — честные, порядочные коммунисты.

— Кажется, мы увлеклись политикой, Станислав Сергеевич. Хотелось бы поговорить и об искусстве.

— Почти все мое творчество связано с политикой. Я давно уже связан с политикой.

— Не все! Я хорошо помню, как году в 64-м или в 65-м, вернувшись с Кавказа, вы рассказывали о своих альпинистских приключениях. Потом они нашли отражение в картине «Вертикаль». Кстати, в своем первом фильме вы снимали Владимира Высоцкого.

— «Вертикаль» — моя первая картина, которую мы сняли с Дуровым. А с альпинистами я

познакомился гораздо раньше. Сам-то я уже тогда был альпинистом. Так что для меня «Вертикаль» не была открытием этих поразительных людей. Для Высоцкого же эта картина явилась открытием нового для него мира, в который он быстро вошел, понял и написал песни. Моя картина достаточно громко прозвучала, и Высоцкий из гонимого барда превратился в почти официально признанного поэта. Тогда впервые вышла его пластинка. Гибкая, правда, но тем не менее.

— Если бы Высоцкий был жив, как вы считаете, какой бы линии он держался, какую позицию занимал бы сегодня?

— Я много на эту тему думал. Если бы был жив и здоров, здоров! — думаю, он, как я, наверное, принял бы с восторгом перестройку, был бы влюблен в Горбачева, а когда бы понял, что то, что строится, отнюдь не демократия, занял бы обличительную позицию. У Горбачева была возможность сделать нашу страну и народ счастливыми, а он сде-

лал нас несчастными. Когда произошел Сумгаит, весь мир должен был понять, что произошло. После Сумгаита, когда он не сделал ничего, пальцем не пошевелил и дал бацилле развиваться, он совершил предательство народов, государства. Ведь вот что получается. Святослав Николаевич Федоров один образ повторяет очень часто. Он все время говорил, что мы живем в концлагере. Наконец времена изменились. И к чему пришли? Начали строить новый волчий быт. Кругом вырисовывается, как говорил философ, «кровавая харя российской анархии». Теперь Федоров говорит: «Мы жили в концлагере, а теперь живем в сумасшедшем доме». Так оно и есть.

Мы вырвались из ада, бежали, бежали сломя голову, увидели огни впереди, скатились с обрыва, а это другой, оказывается, ад, еще похлеще. Это — правильно. С одной стороны, мы вырвались из концлагеря и попали в сумасшедший дом, с другой — вырвались из одного и попали в другой ад. Из огня да в

попымя. Вот что произошло. Поэтому считаю некорректным сравнение с тем временем. Вот, например: «Вы знаете, сейчас в каком-то смысле стало лучше», — говорил Егор Гайдар. Вот, мол, тут стало лучше, там изобилие появилось, ларьки какие-нибудь, где «Мальборо», воду и жвачку продают. И в смысле свобод, дескать, тоже стало лучше, больше гласности. Не надо сравнивать с тем временем. Из того времени советский народ вырвался дружно. Но вырвался совсем не для того, чтобы попасть в еще худшие условия.

— Какие же пути выхода из кризиса вы видите в нынешней ситуации?

— Я считаю, что пути вот такие: нужно, чтобы к власти пришло честное руководство. И тогда все то же самое: реформы, но без жуликов, возрождение России, но с честным правительством. Какие механизмы, я не знаю. Но для того чтобы пришли честные люди к руководству страной, нужно, чтобы созрело наше общество. А оно насквозь крими-

нировано, и огромную роль в этом сыграла наша творческая интеллигенция.

— Представим такую фантастическую ситуацию: Говорухин — президент России. Он понимает, что так жить, как жили, нельзя. С чего бы он начал перестройку, как вы думаете?

— Мне кажется, что это настолько все просто. Мне кажется, что страну за три года можно поставить на нормальные рельсы и сделать из нее замечательную, свободную страну. Свободную от нищеты, невежества, бесправия. Нужно освободить людей от унижения. Не через двадцать или тридцать лет, а сейчас. Освободить от страха перед преступниками. От страха перед будущим. Нужно оградить наших детей от растлителей. Надо сделать Россию свободной в том смысле, в каком понимал это, ну предположим, Петр Аркадьевич Столыпин. Свободную в настоящем смысле этого слова. Она ведь исключительно богатая. Ее можно разворовывать бесконечно, и ее земля, ее стратегические запасы, ее руды, ее кровь — нефть не оскудеют. Значит, в этой стране нужно понять две вещи, мне кажется. Чего не понимают наши власти. Первое, нужно понять, что преступность

не даст осуществиться никаким реформам, а значит, надо покончить с преступностью какими угодно, пусть даже репрессивными, методами. Во-вторых, надо поощрять производителей. Если власть делает все, чтобы процветали жулики, спекулянты, если дело дошло до того, что работать стало невыгодно, а выгодно стало только торговать и воровать, то власть эта сама преступна. Потому что создает условия, благоприятные для преступников. Вот они-то, да еще часть обманутых и проголосовали 25 апреля все поголовно: спекулянты, лавочники, жулики за эту власть, за существующий порядок. Он их устраивает. Я бы, конечно, позаботился о том, чтобы государство заботилось о тех людях, которые честным трудом живут. В первую очередь о таких категориях, как учителя, врачи, полицейские. Когда учитель твоих детей нищенствует, ему не до воспитания граждан. Ну и, в-третьих, конечно, я бы сделал все, чтобы защитить достоинство страны. Хватит уже ползать на коленях и ползти еще дальше. Мы — Голиаф, огромная страна, мощная. Этот Голиаф без боя пал на колени и ползет на коленях к победителю, умоляя о пощаде. Больно и стыдно. Да-

лее, позаботился бы о защите граждан, о защите достоинства тех, кто остался в ближнем зарубежье. Я думаю, эта страна через два года, скажем, если бы я был президентом, возьмем этот гипотетический вариант, через два года она была бы другой. К ней потянулись бы Украина, Белоруссия и все остальные. Им деваться было бы некуда. Потому что в России, в ее благополучии — их надежды. Мы бы снова стали великой страной, где действительно, раньше умели как-то жить люди в мире и дружбе. Раньше мы могли иронически относиться к тому, что, например... К такому тосту: «За мир и дружбу между народами». А теперь за это пьют стоя, если где-то собираются достойные граждане. Да, за мир и дружбу своих народов. Мне кажется, что все очень просто обстоит. То есть надо сделать все то же самое, что делает наше правительство, только с точностью наоборот.

— Так что вы категорически не приемлете в человеке?

— Непорядочность. Отсутствие гражданской позиции.

Беседу вел
Анатолий ВЫСТОРОБЕЦ.
Информационное
агентство «Евразия».